

Рефлексия

-В КАРТИНЕ «Несколько дней из жизни И.И. Обломова» (79-го года) вы очень трогательно изобразили главного героя, отдав ему все свои симпатии. Что вы чувствуете сегодня, когда вся надежда капитализирующейся России только на Штольцев?

— Я не меняю свои приоритеты, только я предпочитаю тех Штольцев, которые дружат с Обломовым. Штольц не вместо Обломова, а вместе с Обломовым. Они могут расходиться в чем-то, но они друзья, они любят друг друга. Мой Штольц понимает, что Обломовы нужны, потому что они сохраняют духовный пласт, тонкий, невидимый, раздражающий кого-то пласт общества, без которого оно не может существовать, ибо в нем сосредоточено то, что возмущает человека, приподнимает его над серой повседневностью. Обломов думает над вопросом — зачем жить? В отличие от Штольца, для которого стоит только один вопрос: как жить? У нас 75 лет всякая созерцательность считалась либо блажью — в лучшем случае, либо чем-то вражеским, чуждым. Но она прорастала: в стихах Пастернака, Коржавина, Есенина... Без этой созерцательности их бы просто не было.

— Кто вы сами: Обломов или Штольц?

— Я хотел бы жить, как Обломов, но вынужден жить, как Штольц. Я работаю в кино, и это требует трезвого ума, рассудка и деловитости. В моей жизни очень редки, к сожалению, мгновения, когда я могу себе позволить расслабиться. Но я

сматриваю это как бы с футуристической точки зрения. Пусть он железобетонный, его быстро строят, может, у тех, кто его строит, есть какие-то иные задачи — речь сейчас не об этом. Построенный храм будет освящен Русской Православной Церковью, туда принесут иконы, придут верующие русские люди со своими сердцами и душами, мыслями и помыслами — люди, которые будут искренне верить. И вот этой своей энергией они смогут его облагородить и как бы снять с него грех строителей, если они возводили его с какими-то двусмысленными задачами.

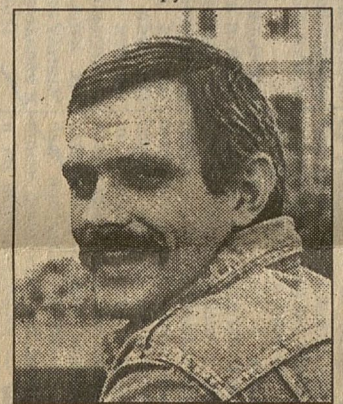
— Часто художники уходят в политику, чувствуя творческое бессилие. О вас такое никак не скажешь. Но сегодня вы в движении «Наш дом — Россия» идете вторым после Виктора Черномырдина.

Юность.

— В английском словаре есть два значения слова «интеллигент»: просто «интеллигент» и «русский интеллигент». Русский интеллигент — это тот, кто имеет свою личную точку зрения по любому поводу. Я тоже имею свою точку

к власти. Хотя вот Говорухин и пишет, что я «при власти», «прилепился к власти», а потом «полтора года менял имидж». Видимо, Станислав Говорухин намекает на мою должность советника по культуре у Александра Рудского, когда тот был при власти. Но что, собственно, я от этой власти получил? Привилегии, дачу, квартиру, машину с вертушкой или высокую зарплату? Ничего! Мы помогли Оптиной пустыни, защитили мастерскую, художника от посягательства «новых русских», помогли

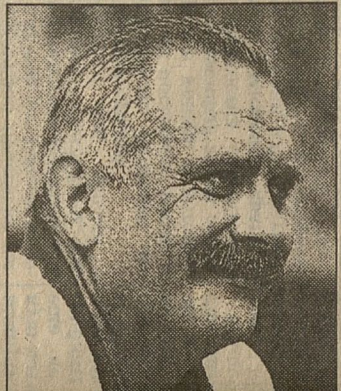

Молодость.

поставить телефон талантливому режиссеру в сибирском городе... — мы пытались что-то делать. Я говорил то, что думал. И пользовался возможностью напрямую вкладывать им в уши то, что мне необходимо было сказать, — не через посредников, а глаза в глаза. Может быть, это не так уж и важно в государственном масштабе, но страна-то складывается из людей, по словам Михаила Чехова, человек — не средство, а цель.

— Не подвигнет ли вас ваша общественная активность на создание более определенных —

ваться. Он мужик, он прекрасный собеседник, великолепный рассказчик. Особенно если дело касается того, что он знает досконально, что он сам прочувствовал: войну, например — он прекрасно рассказывает о своих ощущениях.

Зрелость.

Когда он рассказывает про самолет, какая это машина — влюбляешься, не иначе. Его рассказы про рыбалку — живописные устные произведения: увлекаешься так, что хочешь поехать вместе с ним на реку, хочешь сидеть с ним вместе у костра, пить водку и не говорить ни слова о политике. Но когда дело касается власти и ее употребления, то тут я не могу с ним согласиться. Внутренне не могу. Я поясню. Мало надеть крест и ходить в церковь, пытаясь понять, о чем там идет речь, — нужно быть духовно подготовленным, духовно зрелым. Духовно. Незрелый патриот хуже самого что ни на есть последнего демократа. Я имею в виду людей крайних позиций. Незрелый, духовно не подготовленный патриотизм примитивен и быстро сваливается в прямолинейный национализм, когда свое я

С ЧЕМ ОН ПРИДЕТ

Завтра Никите Михалкову исполнится 50 лет. Выдающийся режиссер хотел бы жить, как Обломов, но вынужден быть Штольцем

тяготу, скажем так, к созерцательности, она волнует внутренне меня и, честно говоря, иногда чрезвычайно хочется стать, скажем, егерем... Люди, сочетающие в себе деловые качества с созерцательностью или по крайней мере понимающие, что она необходима, нужны сегодня. Нельзя же отдать все Штольцам, которые абсолютно лишены этого духовного вопроса — зачем жить?

— Вы не раз говорили о том, что герои «Утомленных солнцем» — это чеховские персонажи, дожившие до 1936 года. Наверное, и мальчик из «Неоконченной пьесы...» вполне мог бы стать командармом Котовым, доживи он до тех лет?

— А откуда, по-вашему, эти командармы взялись? Они же не из космоса к нам прилетели. Все они — кровь от крови, плоть от плоти русского стержня, русской ментальности. И ужас их заключается в том, что они дали себя обмануть, поддались обаянию идеи, которая носит потрясающе христианский характер о всеобщем равенстве и благоденствии, о единении и братстве. С той только разницей, что большевики взяли лишь верхушку христианского учения, придумав кодекс строителя коммунизма на евангельских истинах и законах, но без Евангелия и без Христа. Вроде бы то же самое: Христос говорил, что надо делиться с другими, и мы то же говорим. Но если ты не отдашь, мы тебе ушиотрежем. Вот этот обман, подмена понятий и стали самой страшной трагедией, которая произошла с Россией. Котов, с его широким характером, был бы и потрясающим генералом 1812 года — он мог бы быть Барклаем де Толли, Кутузовым. Да кем угодно!

— После «Утомленных солнцем» кажется, что у нас была Великая Эпоха, начиная с 1917-го до 30-х годов, полная грандиозных побед и свершений. Вы как бы отдали дань Большому Стилю, используя его элементы в своей картине.

— Не берусь определять, так сказать, масштаб стили моей картины. Я знал, каким языком должен был рассказать историю. Определение «штили» не входило в мои задачи. Я видел свою картину именно такой, какой она и получилась. Может, не все совпадает с моим первоначальным представлением, но в основном я сделал то, что и задумывал.

— Но в принципе вы цените советский Большой Стиль?

— В нем есть масштаб, есть сила... В нем нет вкуса. Вернее, он породил свой вкус. Если посмотреть, что предполагалось воздвигнуть на месте взорванного храма Христа Спасителя — Дворец советов, — виден имперский размах и полное отсутствие традиционной культурной базы. Режим выдумал свой стиль, соответствующий самому режиму. Режим-то искусственный, его насаждали, он держался на силе и страхе. Представьте себе домик Ниф-Нифа в сибирской деревне. Или, наоборот, где-нибудь в средней полосе, скажем, на Волге или Оке что-нибудь типа того, что строят сегодня «новые русские». Неорганично. Так и Большой Стиль. Ведь вся архитектура Большого Стиля возведена только с одной целью: доказать, что мы такое можем построить, что вам и не снилось. Но и разрушить теперь это в угоду кому-то или чему-то — такой же большевизм. Позор наш не в Большом Стиле, а вот в этой-страсти к разрушению. Мы порою разрушаем ради разрушения даже без мысли о том, что и как мы будем на этом месте строить.

— Вы человек православный. Как вы относитесь к идее восстановления храма Христа Спасителя: будет ли он действительно подлинным храмом? Или очередным свидетельством конъюнктурных действий нынешних властей?

— А как бы то ни было! Когда строят храм — это хорошо. Рас-

Улыбка.

Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото) и Сергея Лигова

зрения по любому поводу, и с этим ничего не поделаешь. Если это повод политический, я все равно выскажусь. Но я иду в политику не для того, чтобы решать судьбы людей и выдумывать законы. Моя задача — защищать, где это возможно, культурные ценности, исторические традиции нашей страны, что я делал и делаю в качестве председателя Российского фонда культуры, если говорить формально. С другой стороны, единственная возможность быть сегодня услышанным — это оказаться в одном из блоков, которые так или иначе ведут между собой борьбу. Понимаете, я не против кого-то. Я — за что-то. Если выбирать из тех движений, которые существуют сегодня, то для меня, скажем, личност Черномырдина проходит со знаком плюс. Я вообще считаю, что сегодня трогать ничего нельзя. Я бы и выборов этих не допускал сейчас.

Потому что народ уже привык к тому, что такое Дума, он уже знает про нее все, он уже всегласно смотрел... Сейчас идет очень важное — духовное — самолечение. Я не буду говорить про Москву. Москва — это совсем другое, это не Россия. Многие думают, что здесь все решается. Но пускаяй они поедут в город Мышкин или город Юрьев и посмотрят, что там происходит. Сегодня надо обратить свой взор на провинцию. Люди сначала были ошеломлены, оказавшись безродными: без милой, родной коммунистической партии, без ЦК КПСС, без поддержки, без стабильного ощущения своей социальной защищенности. Они остались сиротами. А сегодня уже стали понимать, что им никто ничего не даст: ни Москва, ни Америка, что надо самим что-то делать. Ведь все мы приговорены, слава тебе, Господи, жить здесь. Кому казалось, что где-то лучше, тот уехал. Но мы-то все, кто не уехал, остались. Люди начинают обустраивать свою жизнь, начинают задаваться вопросами о том, что же мы такие и зачем живем, как нам жить дальше. Да, идет очень тяжелый процесс, к которому очень трудно приспособиться, особенно старшему поколению, но этому процессу не надо мешать. Марк Алданов как-то написал жестокою фразу о том, что любое новое правительство хуже предыдущего. Так это или не так, но я убежден, что сегодня только эволюционным, а не революционным путем можно менять правительство. Это в Америке можно менять президента каждую неделю, если позволяет конституция. Там это не вызовет никаких потрясений, потому что изменяется только приоритеты и зубной врач, который будет лечить президента. Но государственное устройство при этом останется прежним. А мы строим сегодня свое общество, балансируя на грани. Смена системы — это опять новый передел, а значит — кровь. Вот в чем дело. Меня, наверное, трудно упрекнуть в том, что я рвусь

публицистических — кинопроизведений?

— Нет. Я снял картину «Анна от 6 до 18», над которой работал в течение 13 лет. Если что-то подобно и возникнет — только изнутри, то есть если изнутри возникнет, то значит, тогда и возникнет, я бы так сказал. У меня нет амбиций такого рода.

— А как члены вашей семьи восприняли вашу новую политическую функцию? Отец, старший брат...

— С опаской. С опасением. Я глубоко убежден в том, что человек, идущий во власть, должен думать не о том, как ее достичь, а как ее красиво оставить, какой след останется после — достойный или недостойный. Большинство наших политиков еще с советских времен идут туда навсегда. Это гигантская ошибка, еще одно порождение большевизма — иметь все и сразу. Это безбожие. Они идут туда навсегда и с одной мыслью: вот только бы попасть, а уж потом... И потому огромные усилия уходят на то, чтобы удержаться, вместо того, чтобы тратить их на то, чтобы двигаться. Я считаю, что человек, идущий во власть, должен знать, придя туда, — с чем он уйдет и что о нем расскажут его внукам, когда его самого уже не станет. Будет ли он нести бремя славы Берия или же все-таки лучше быть внуком или правнуком Кутузова...

— Кто пригласил вас в блок «Наш дом — Россия»?

— Виктор Степанович Черномырдин. Дело в том, что, когда мы разговаривали с ним по этому поводу, я ему сказал, что прежде всего хочу быть услышанным. Хочу сказать все, что я думаю на этот счет, и если их не устраивает моя позиция, то будем считать, что этого разговора не было. А если устраивает, тогда другое дело. По многим вопросам наши позиции совпали. Но главным для меня было не это. Прежде, чем дать окончательный ответ, я поехал в Свято-Данилов монастырь и долго беседовал со своим духовником. Только тогда, получив благословение, я сказал «да». Без этого я бы нигде не пошел.

— Какие у вас сегодня отношения с Александром Рудским? Вы по-прежнему дружите с ним, встречаетесь?

— Не встречаемся по той причине, что он занят политической борьбой, а я кино снимал, потом готовый фильм продавал. Я не меряю своих привязанностей по политическим мотивам. Когда человек думает так, а я иначе — это не причина для разрыва. Если он не пытается насильно меня в чем-то переубедить, навязать мне свою точку зрения, то мы ведем, как говорится, спокойный диалог. Мы с ним всегда спорили по огромному количеству политических вопросов, и я никогда не соглашался с ним в том, в чем не мог согласиться. Хотя дело не в этом. Но это мне не мешало с радостью с ним встре-

любно за счет другого. Быть лучше и быть лучше других — разные вещи. Любовь к Родине, не освященная духовной силой и широтой, без уважения к другим — неплодотворна.

— Итак, вернемся к «Нашему дому — Россия». В чем вы видите свою задачу, находясь в этом движении?

— На сегодняшний день я вижу свою задачу в том, чтобы, насколько это возможно, попытаться объяснить людям, что в их руках выбор: рухнуть в хаос, в передел или понять, что только спокойное, равномерное дыхание и хоть какая-то стабильность есть та среда, в которой можно восстановить здоровье общества без революционных потрясений.

— Позвольте в качестве реплики оппонента: за какую стабильность вы призываете голосовать — за стабильность невыплат зарплат шахтерам, за стабильность безобразно низкого прожиточного уровня российских граждан, за стабильность окладов в 130 тысяч рублей у работников культуры?

— А что, вы действительно верите, что пришедшие к власти завтра выплатят зарплаты, повысят пенсии и создадут условия для всеобщего благоденствия? Опасное заблуждение. Что сегодня нам обещают? Выход из кризиса, улучшение во всех без исключения сферах жизни. Трудности временные, говорят они, вот мы придем к власти и все изменим во мгновение ока. Но это нереально. Нужны покой и стабильность. Люди сами разберутся и поймут, что ни от кого, кроме самих себя, нельзя ждать помощи. Для этого нужно только одно — спокойно и терпеливо работать, а не митинговать на Васильевском спуске. Основа будущей России — это провинция. Почему все совсем недавно рвались в Москву? Потому что здесь издательства, редакции журналов и газет, потому что здесь можно быть на виду. А кто тебя прочтет в каком-нибудь «Сибирском вестнике»? Кто тебя будет знать? Поэтому — в Москву! Толстому, Пушкину или Лескову не нужен был Союз писателей, они создавали свои великие произведения на своей малой родине. В футбол хочу хорошо играть — еду в Москву, в театр — в Москву. Централизация и контроль большевики установили, чтобы лучше уследить, что же делается в провинции. Как уследить за анакомаслием? Очень просто — все здесь, все рядом. Зачем это было нужно? Чтобы держать всю страну в страхе. Потому-то все и рухнуло в одночасье, что на страхе держалось. Стержень — страх — вынули и — все рухнуло. Вспомните, сколько понадобилось большевикам жертв, чтобы загнать страну в эту яму страха. Только гражданская война унесла 13 миллионов жизней да еще 3 миллиона лучших умов России были вытолкнуты в эмиграцию. Но страх не органичное состояние

для долгосрочной жизни общества. Какое-то время оно может на нем держаться, всегда — нет. Но потеряв страх, люди ощутили неуверенность, как плывец, потерявший из виду берег. И только сейчас, постепенно, место этого страха в нашем сознании занимает ощущение необходимости что-то делать самим, обустривая жизнь вокруг себя и пытаясь понять наконец свое место в мире. Помните детскую загадку: зеленая-зеленая, колбасой пахнет? Электричка из Москвы в Тулу в воскресенье. Теперь в Туле своя колбаса, и дешевле, чем в Москве. В Нижнем Новгороде — филармония. В Иркутске какие-то богатые люди, которые хотели, чтобы дети занимались музыкой, отремонтировали районную, далеко расположенную от города музыкальную школу и из Кореи привезли белые рояли. Бред, казалось бы! Но это очень важный процесс. Владикавказская команда «Спартак—Алания» играет на равных с англичанами. Вы, конечно, можете сказать: да вы что, с ума сошли, тут шахтерам зарплату не платят, а вы про футбол, про корейские белые рояли. Но это — знак, лицо времени. Если у людей есть возможность содержать футбольную команду, на игры которой они ходят, значит, они там не умирают с голоду, ведь так? Кому сегодня трудно? Старшему поколению, которое не может переделать себя, и это совершенно естественно. Пенсионерам — да, вот им надо помочь. Кто сегодня будет голосовать за коммунистов? Пенсионеры. Они пойдут голосовать за компартию, потому что в ней видят единственное спасение. Но коммунисты — а я должен сказать, что отдавая коммунистов от большевиков и испытывая уважение к Юганову и ко многим другим членам этой партии, — коммунисты сегодня двадцатилетних не

Независимая газ. — 1995. — 20 окт. — с. 7.

увлекут. Их надежда — это те, которым за 60, то есть они — партия уходящих. А как быть с молодыми? Остается одно — заставить силой. И опять все сначала. А что делать с церквями? Опять ломать? Устраивать в них овощехранилища? Как совместится коммунистическая идеология с тем, во что верили поколения наших предков? Никак. Что бы они ни говорили. Никак и никогда. Остается одно — опять страх.

— Но, пожалуй, здесь вы придерживаетесь какой-то крайней — из возможных — позиций. Когда вы говорите о страхе как движущей силе, то как бы держите в уме развитие событий, когда к власти придут какие-то страшные силы. Но есть демократическая оппозиция, например, блок Явлинского, который никак не заподозришь в желании держать страну в страхе. Почему вы, прикинув к блоку «Наш дом — Россия», оставляете эту крайность как один из возможных вариантов?

— Потому что для стабильности необходимо время. Россия — огромная страна, нельзя с ней баловаться. Нельзя ее перебарщивать с руки на руку, как апельсин или пинг-понговый шарик. И в сегодняшнем правительстве при том огромном количестве людей, которых нужно менять, есть настоящие профессионалы. Сергей Шойгу, например, со своей командой, который занят делом. Он не режиму служит, а стране, потому что землетрясение или цунами — вещи объективные и спасать людей надо при любых политических обстоятельствах. Те люди, которые могут прийти в новое правительство, в Лондоне что ли воспитывались или с Луны прилетят к нам? Разве это принципиально другие люди, нежели те, кто составляет нынешнее правительство? Все: и те, и другие — дети режима.

— А как вы относитесь к Александру Солженицыну и к тому факту, что недавно на ТВ закрыли его передачу?

— Мне кажется, он поздно приехал. Это, конечно, не его вина, скорее беда — так случилось. Исправлять всегда труднее, чем делать. Он приехал как раз в тот момент, когда нужно было исправлять, если бы раньше... Но я думаю, что Солженицын за полтора года пережил, ощутил и понял намного больше, чем за все годы эмиграции. Мне кажется, что умозрительность ощущений и его отдаленность от России дали ему возможность написать брошюру «Как нам обустроить Россию» с идеей разделения на Россию, Белоруссию и Украину. Что же касается телепередачи, то, на мой взгляд, как бы то ни было, а Солженицына надо слушать. Слышать.

— Тонино Гуэрра говорил, что при огромной любви к Михалкову во всем мире в России — огромная зависть к его успеху. Вы ощущаете эту зависть?

— Конечно. Я просто привык, не обращаю внимания.

— Как вы с ней боретесь?

— Увеличиваю тем, что много работаю. Если бы я бросил снимать кино и начал отвечать моим завистникам и злопыхателям, это было бы самое невыгодное для меня дело: им-то все равно, а я ничего не делаю. И потом, в картине под названием «Раба любви» один персонаж произносит замечательную фразу: «Только у бездарности нет врагов». Так что, имея такое количество врагов, я тешу себя надеждой, что не бездарен. И кроме того, я тоже ведь не всех люблю, так почему меня должны любить все?

— А что вы любите и, соответственно, не любите?

— Смотрите мои фильмы. Там ответ на ваш вопрос.

16 октября 1995 года Москва